

Россия и Эстония в поэтическом мире Игоря Северянина (сборник «Классические розы»)

Белова Валентина Владимировна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Отношения Игоря Северянина и Эстонии определяются не только оппозиционным ограничением: изгнанник – приют изгнанника. Добровольная эмиграция поэта началась задолго до эмиграции настоящей. В конце 1917 г. он поселился в эстонском поселке Тойла, где часто бывал, начиная с 1912 г. Там располагался дачный домик семьи поэта. Заключение Брестского мира и получение независимости Эстонией сделали Северянина невольным пожизненным эмигрантом.

«Эти стихи, за исключением особо отмеченных, написаны в Эстонии, в Тойле. Estonie, Toile – эти слова являются полным и неизменным с 1914 года адресом автора этой книги», – такое пояснение предшествовало первому изданию сборника «Классические розы» (1931), наиболее яркой и показательной эмигрантской книге поэта. Целью работы является исследование восприятия России и Эстонии лирическим героем данного сборника.

Прежде стоит отметить, что раскрытие выбранной темы не исчерпывается противопоставлением: «Россия – родина», «Эстония – чужбина». Круг оценок лирического героя не столь конкретен, подчас размыт и противоречив. Так, Россия представлена и как священная чистая родная земля, куда единственной мечтой устремляется поэт, и как *царство балагана, где православные Бога забыли*. Показательным примером служат начальные строки стихотворения «Моя Россия»: *Моя безбожная Россия, / Священная моя страна!* И строки конечные: *Моя ползучая Россия, Крылатая моя страна!*

Трагическая раздвоенность оценок, постоянное стремление найти ответы на вопросы о причинах «излома» и дальнейшей судьбе отчизны доказывают глубину любви поэта к России и одновременно выводят лирического героя на новую вершину осмысления конкретных исторических и социальных проблем (ср. негативные отзывы многих критиков, обвинявших Северянина в поверхностном, наивном понимании событий истории).

Примечательно, что номинация Эстонии как чужбины присутствует лишь в одном стихотворении сборника (в нем она называется *неласковой чужбиной*). Географическая Эстония не мыслится как чужбина, инородное государство, тюрьма. Для лирического героя первостепенной представляется оппозиция «город – деревня». Новые условия существования ассоциируются с изменением природного окружения в первую очередь. Поэт ведет деревенскую, казалось бы беззаботную жизнь среди живописных озер и божественного великолепия северной эстляндской природы. Деревня, вне зависимости от государственного местоположения, становится родиной, родной стихией, единственно подходящей для творчества и отдохновения, город – чуждым, далеким, нежелательным, ассоциирующимся с заботами, т. е. чужбиной. Подчас эстонские пейзажи будто срисованы с картин русской природы, что объясняется схожестью природных особенностей двух стран. Вот, например, «чисто русская» зарисовка в стихотворении «На земле в красоте»: *А зимой – на полгода – снега, / Лыжи, валенки, санки, пурга. / Жарко топлена русская печь. / Книг классических четкая речь.*

Тоска по родине выражается в перенесении черт русских явлений (природных и не только) на окружение героя в настоящем времени. В эстонских морозах поэту «слышится» архангельская тишина, а горка в Юрьеве напоминает ему Тифлис. Более того, герой, скованный неизменностью обстановки, ищет глобальных точек соприкосновения с миром. Он находит два выхода: первый, столь близкий северянинскому герою предыдущих сборников, – путь мечты, грезы (рефреном звучит мотив возвращения поэта в Россию и варьирования деталей предстоящей встречи с

«родным»); второй путь – стремление почувствовать себя жителем Земли. Это своеобразная попытка оправдания и «приукрашивания» собственного бытия вне дома: Эстония как часть Земли становится родной, близкой, знакомой, сближается тем самым с Россией: *В озеро к ночи въезжая – / В глаз голубой божества, – / Шепчешь: Земля – не чужая: / Здесь я и раньше бывал...* («В гичке»).

Противоречивость, непоследовательность, проявленная героем при оценке России, свойственны и взгляду на жизнь в Эстонии. Показательны в данном отношении стихотворения «На земле в красоте» и «Десять лет», следующие в сборнике друг за другом и начинающиеся строками: *Восемь лет я живу в красоте На величественной высоте* и *Десять лет – гнусных лет! – как заброшен в приморскую глушь я.*

Образы монастыря и колокольного звона важны для организации идейно-композиционного пространства сборника. Россия как символ православия и Эстония, приют монастырей, которые посещает поэт во время долгих прогулок по природным местам «родной» Тойлы, составляют единое целое в обновленном сознании героя. Он познает глубину веры, растворяется в атмосфере старинных соборов «в лучах печалющегося заката» и «печальных» колоколов, находит выход в надземное пространство, воспринимающееся вне стран, территориальных ограничений и запретов на въезд и выезд...